

В первоначальном жизненном плане Жуань Цинхуань, если бы всё шло по намеченному пути, значилось обучение на факультете оперного искусства в одном из высших учебных заведений Сяньчжоу.

Её наставница, госпожа Жуань, отличалась холодным нравом и не жаловала современную поп-музыку, зато часто заслушивалась оперой, погружаясь в неё с головой. Когда Цинхуань была ещё совсем крошкой, вечно суетливой и любопытной, наставница частенько сажала её к себе на колени и брала с собой на представления.

Поддавшись этому влиянию, Цинхуань с ранних лет прониклась глубоким интересом к тем самым мелодичным напевам со сцены. Если бы не Жуань, подарившая ей вторую жизнь, Цинхуань давно бы превратилась в горстку костей. Наставница любила оперу, и Цинхуань полюбила её в ответ, полюбила эти голоса, выводящие сложные рулады.

Величественные, певучие, невероятные, чудесные голоса.

Жуань — настоящая «золотая птица», одаренная небесами, и было бы непростительным расточительством позволить такому дару просто увянуть. Именно поэтому Жуань выбрала для жизни Сяньчжоу: она обожала оперу, а в Альянсе Сяньчжоу были лучшие профильные учебные заведения.

Однако вопреки ожиданиям, Цинхуань не стала изучать оперное искусство, а вместо этого уехала учиться в Пенаконию. Хотя наставница никогда не принуждала её поступать именно в Сяньчжоу, такой шаг всё же выглядел как предательство собственных истоков.

Неужели это действительно была она?

— Какой я становлюсь после замужества? — внезапно спросила Цинхуань.

Фу Сюань помедлила, вспоминая:

— Очень элегантной. В делах и поступках проявляла внимание к мельчайшим деталям, а в речах и манерах сквозила холодная отстраненность.

Цинхуань замерла:

— Ты хочешь сказать... как госпожа Жуань?

— Именно так, как ты и подумала, — Фу Сюань слегка кивнула, заметив её изумление.

Саму Фу Сюань это ничуть не удивляло: в конце концов, дети всегда похожи на своих родителей.

— С тех пор как ты вышла замуж, мы стали всё реже оставаться наедине, зато тайн между нами прибавилось. В последний раз мы так откровенно разговаривали по душам целую вечность назад, лет сто, наверное.

— А после того, как я заняла свой пост, и говорить нечего — я вечно по горло в работе.

— Последнюю неделю ты каждый день приходила ко мне, прячась от Фэйсяо, а по вечерам всё равно возвращалась домой. Что бы я у тебя ни спрашивала, ты лишь молчала.

— Ты приходила в мой дом ещё до того, как я просыпалась, готовила завтрак и заставляла меня вставать, чтобы умыться и поесть.

— Возвращаясь с работы, я постоянно видела, как ты хлопочешь на кухне. Если я задерживалась допоздна, ты бережно упаковывала еду в термоконтейнеры и сама приносила их в Комиссию по предсказаниям.

— Если не считать того, что ты не можешь согреть мне постель и мы не можем нормально поговорить, в остальном я тобой вполне довольна.

— А теперь, когда ты внезапно потеряла память, мне даже как-то непривычно.

Говоря об этом, Фу Сюань не могла не поразиться тому, какой невероятной силой обладает время — оно вернуло ей её юную подругу.

— Словно дочь, поссорившаяся с мужем и сбежавшая в родительский дом? — прокомментировала Цинхуань.

Почему ей казалось, что в этой истории Фу Сюань отведена роль матери? Поругалась с Фэйсяо — пришла к Фу Сюань, день прошел — вернулась домой. На следующий день снова разлад — и опять к Фу Сюань, и так по кругу.

На самом деле, Фу Сюань думала о том же. Честно говоря, за эту неделю Цинхуань так окружила её заботой, что Фу Сюань порой ловила себя на мысли, что сама не прочь была бы завести такие отношения.

Цинхуань не только готовила еду, но и, пока сидела дома в ожидании, приводила всё в порядок, чинила сломанные вещи. Иногда спрашивала, чего бы ей хотелось съесть, или просила купить что-то по пути. То, что она приходила в Комиссию по предсказаниям с обедом, стало для Фу Сюань настоящим сюрпризом. Видя завистливые взгляды подчиненных, она хоть и сохраняла невозмутимый вид, в душе чувствовала себя невероятно счастливой.

Если бы у неё была такая же преданная жена, как Цинхуань, она бы, став генералом, в тысячу раз отплатила бы супруге за её доброту. Но, поразмыслив, она задалась вопросом: если у

Цинхуань возникли разногласия с Фэйсяо, разве она не должна была отправиться к наставнице в Клуб гениев? И зачем было специально приходить в Комиссию, если можно было заказать доставку? У неё что, рук нет?

От первоначального умиления она перешла к привычке, а затем и к подозрениям, в конечном итоге придя к выводу: Цинхуань просто воспринимает её дом как родной.

Точно, именно так!

Ведь Цинхуань без своей наставницы — словно всеми покинутая, одинокая и жалкая капуста.

— Мне пора возвращаться, — сказала Цинхуань. — Фэйсяо сказала, что сегодня я обязана вернуться. У неё был такой вид, будто она готова меня съесть...

Фу Сюань кивнула:

— Но помни: не произноси при Фэйсяо ни слова. Чем больше говоришь, тем легче тебя разоблачить.

— Разве это возможно? Мы ведь всё-таки супруги.

— Вы целую неделю в холодной войне, так что твоё молчание — это как раз нормально...

— А если я уже что-то сказала?

— Да, верно, ты уже говорила, я забыла, — вздохнула Фу Сюань. — Будь готова.

— М? Что ты имеешь в виду? — Цинхуань приподняла бровь. Слова Фу Сюань прозвучали как-то двусмысленно.

Фу Сюань сложила руки, создавая массив Постижения, и, вращая его, начала свою работу:

— Я видела её, когда возвращалась. Она уже полчаса ждет тебя снаружи. Иди скорее.

Почему ты не сказала раньше... Цинхуань кивнула и начала лихорадочно соображать, как вести себя с женой, которая для неё стала совершенно чужим человеком.

Когда она спускалась вниз, ей кто-то позвонил, но Цинхуань, не раздумывая, сбросила вызов. Выйдя из здания, она сделала шаг своими длинными стройными ногами и увидела её.

Фэйсяо прислонилась к модифицированному звездному ялику, её фигура была изящной и статной. Заметив Цинхуань, она выпрямилась и, стоя в трех метрах, безмолвно смотрела на

неё.

Прошла минута, похожая на затянувшуюся паузу, и Фэйсяо шагнула навстречу. Встав перед Цинхуань, она протянула руку и притянула её к себе. В её облике по-прежнему читалась холодность, но в голосе проскальзывала нежность:

— Пора домой.

Сказав это, Фэйсяо взяла её за руку. Цинхуань замерла, не в силах сопротивляться, и позволила усадить себя в ялик, куда следом села и сама Фэйсяо.

Когда ялик тронулся, Цинхуань хотела что-то сказать, но слова застряли в горле — она не знала, как обратиться к жене. Старинные обращения вроде «госпожа» или «девушка» уже давно вышли из моды, а «генерал» звучало слишком отчужденно. Назвать её «супругой» означало бы признать, что она не хочет развода, а назвать просто по имени — Фэйсяо — вышло бы слишком вызывающе.

Назвать её «дорогой», как это делала наставница с чужими людьми, она не могла. Близких людей она называла ласковыми удвоенными именами, как, например, Фуфу.

В итоге вышло...

— Сяо-Сяо... — произнесла она холодным тоном. Цинхуань так смутилась, что пальцы ног невольно сжались в ботинках, а глаза она предпочла закрыть.

Фэйсяо едва не потеряла управление. Она с изумлением повернулась к жене, но увидела, что та закрыла глаза и замерла, словно приклеенная.

Цинхуань притворилась спящей, а Фэйсяо не сводила с неё глаз. Она молчала, не задавала вопросов, просто сидела рядом, пока Цинхуань от скуки и напряжения не почувствовала, как веки тяжелеют, и в итоге не провалилась в глубокий сон.

Фэйсяо остановила ялик у обочины и принялась внимательно изучать лицо спящей Цинхуань. В её взгляде горело такое сильное чувство, такая глубокая привязанность, что она едва не выплескивалась наружу. Никто никогда не видел её такой. Если бы Цинхуань открыла глаза, она бы наверняка испугалась.

Потому что в этом взгляде была не только любовь, но и темная, всепоглощающая собственническая страсть.

Фэйсяо никогда не отличалась кротким нравом и не была святой. Она была ученицей генерала Юэ Юя, с детства воспитанной в охотничьих угодьях оборотней-боли. До того как стать генералом, она выросла на полях сражений, и у наставника она научилась лишь одному: если

чего-то хочешь, нужно охотиться за этим, не гнушаясь никакими средствами.

Можно сказать, что всем, что у неё было, она была обязана Цинхуань.

Когда ей было чуть больше пятидесяти и она только прибыла на Яоцин, никто, кроме наставника, не воспринимал её всерьез. В самый тяжелый момент её жизни Цинхуань, облаченная в свадебные одежды, вышла за неё замуж. Когда у Фэйсяо не было ничего, у неё была только Цинхуань.

Она не знала, почему Цинхуань выбрала её — точно не из-за происхождения. Перед лицом знатной девушки из высшего общества сила «безумной луны» лишь усиливала её скрытое чувство неполноценности. Лисы на Яоцине говорили, что нужно уметь «поджимать хвост», а у неё даже хвоста не было — лишь полукровка, рожденная от оборотня и лисы. Говоря помягче — метис, а пожестче — выродок, который не стоил и мизинца Цинхуань.

Цинхуань, будучи человеком невероятно чутким, узнав об этом, сказала ей:

— Я тоже полукровка. Неважно, кто мои родители, ты же не презираешь меня за это. Не слушай, что говорят другие, это их дело. Просто будь собой.

Говорят, что бедность в доме при красивой жене — одно из четырех великих бедствий. После учебы жена приходила домой, бросала сумку и садилась за вышивку, чтобы помочь семье. Фэйсяо возвращалась домой и видела, как Цинхуань бережно снимала своё копеечное кольцо и стирала одежду своими покрасневшими от работы руками. Когда приходили друзья, в доме не находилось места, чтобы их посадить. А на следующее утро Цинхуань на цыпочках подходила к ней и кисточкой старательно выводила узор на её лбу.

Тогда Фэйсяо поклялась, что никогда не подведет жену.

Позже, когда она стала рваться в гущу сражений, когда её глаза наливались кровью от силы «безумной луны», Цинхуань запретила ей так рисковать жизнью. После того как наставник погиб в Третьей войне против Изобилия, имя Фэйсяо стало греметь всё громче, пока однажды в пылу кровавой битвы она не осознала, что армией Цинцю на Яоцине теперь командует генерал по фамилии Фэй.

За эти сто лет Цинхуань ни разу не пожаловалась, молча поддерживая её и становясь её надежным тылом. Спрашивая себя, Фэйсяо понимала, что она осталась той же самой Фэйсяо, что и сто лет назад. Разница была лишь в том, что теперь она больше не встретит ту самую госпожу Жуань.

Она всегда была искренна с Цинхуань. Но теперь, когда Цинхуань отвергла её искренность и потребовала развода, Фэйсяо не оставалось ничего, кроме как стать подлой и начать обращаться с Цинхуань как с добычей. На людях она делала вид, что ничего не происходит, но в тени плела сеть, из которой Цинхуань уже не выбраться.

Иногда Фэйсяо чувствовала себя негодяйкой, так обращаясь с верной подругой жизни, которая плакала и смеялась вместе с ней. Но ей было всё равно. Пусть потом Цинхуань бьет её или проклинаят — она была готова на всё, лишь бы удержать её.

<http://bllate.org/book/21357/2173015>